

18+

Евгений Тьшкин

Хранитель

повесть

ЕВГЕНИЙ ПЫШКИН
Хранитель. Повесть

«Издательские решения»

Пышкин Е.

Хранитель. Повесть / Е. Пышкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531573-1

Человеческий ум есть зеркальная комната, что населена призраками. Цель — пройти эту комнату и не затеряться в ней, иначе случится беда.

ISBN 978-5-00-531573-1

© Пышкин Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Хранитель Повесть Евгений Пышкин

© Евгений Пышкин, 2021

ISBN 978-5-0053-1573-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Чтобы нарушить хрупкое равновесие, достаточно легкого дуновения или прикосновения. Кажется, достаточно движения глаз или мановения пальцев. Именно так незаметно и будто из ничего родилась история цесаревича Борислава.

Началась она ссорой с матерью. Не то чтобы это было из ряда вон выходящее событие. Разлады и скандалы в августейшем доме случались часто, но ссора, став обыденностью, завуалировала судьбоносность. Дыхание судьбы никто не заметил. Даже императрица Ирина.

Она, мать Борислава, произнесла на повышенных тонах:

– Ты вмешиваешься в дела государственные! Но ты еще зелен! Ты не понимаешь!

– Как же я буду понимать, если вы не допускаете меня? – спросил с упреком сын.

– Рано. Тебе еще рано думать о делах государственных, – задумавшись, сказала императрица. – Ты не видел мира. Ты не покидал пределы своей страны. Поэтому ты не сможешь судить верно, – отчеканила она каждое слово.

– Но это же вы, ваше величество, и не пускаете меня, – упрекнул Борислав, еще не ведая какой тайный механизм запустил он, еще не зная, что часы новой для него истории начали отсчет.

Недолгое молчание воцарилось в зале.

Лицо императрицы осталось безучастным, но в душе она торжествовала. Именно подобного упрека она и ждала. «Попался-таки, – с досадой и насмешкой подумала Ирина. – Как он наивен, глуп, как и его отец. . . Бориславу тридцать, а он. . . Нет, престол лучше передать внуку».

Она обдумывала давно отстранение цесаревича от дел государственных именно сейчас, когда решаются задачи особой важности, когда нежелателен любой ум склонный к ажитации, а желателен ум холодный и расчетливый. Отстранить так, чтобы не показалось это намеренным.

– Хорошо, – тихо произнесла императрица, сделав вид, что смирилась с упреком. – Хорошо. Отправляйся в путешествие. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше, а то я переделаю. Возьми жену, а детей своих. . . – Ирина манерно подняла указательный палец, требуя внимания. – А детей оставь на мое попечение. – Борислав хотел возразить. – Ни слова боле.

Ирина, повернувшись спиной к сыну, направилась к выходу, с силой распахнула створы дверей и остановилась. Ее взгляд острый, как игла, пронзил канцлера, согнувшегося в подобострастном поклоне. Старый плут подслушивал, решила императрица, ну, и пусть, пусть думает и говорит теперь, что угодно.

– Ваше императорское величество, – пролепетал канцлер.

– Что вы здесь делаете?

– Ожидаю вашей милости. . .

– Что?

– Прожект, ваше величество. Тот самый, о котором я осмелился говорить экстрактно. . .

– Я жду вас в своем кабинете. – И скорой походкой императрица покинула канцлера.

Эту холодную встречу и столкновение взглядов видел Борислав. И, когда дуэль завершилась, цесаревич спросил:

– Вы слышали наш разговор? Скажите, что мне делать граф?

– О, великий князь, я не советчик в подобных делах, но думаю, что ничего не случится, ежели вы последуете совету ея величества и отправитесь в путешествие. Считаю сие полезным обоим сторонам.

– Благодарю вас, граф.

Граф, сделав короткий и учтивый поклон, удалился.

...

Прожект Ирину не волновал. Она слушала канцлера рассеяно, скользя только по поверхности речей, и выхватывая из потока предложений основное. Императрица краем сознания все время возвращалась к Бориславу. Его образ всплывал, словно из темных вод. Но скрипучий старческий голос канцлера возвращал к реальности. И опять звучало в его устах слово «проект», как тягостное воспоминание, о котором хочется забыть.

Было, кстати, в прожекте и здоровое зерно, были и мысли не на пользу отечества. Старый плут знал, как подать блюдо, но, видимо, понимал, что провести государыню будет все сложнее и сложнее, и все ж уметь растворить ложку дегтя в бочке меда – это еще надо извернуться.

Поэтому прожект вновь остался прожектом. Ирина продиктовала канцлеру замечания по основным пунктам – так появилась еще одна бумага. Из экстрадного прожект медленно превращался в документ подробный.

Ирина отослала старого царедворца. Она решила обратиться к фавориту: следует обсудить дела, не терпящие отлагательств. Жаль, фаворит был далеко. На южных окраинах империи он делал то, что велит она. Хотя это была неправда. Никогда так не говорил ее приближенный, даже не намекал. «Я делаю это ради пользы отечества», – вот, что сообщал в письмах фаворит.

Ирина села за стол. Надо, решила она, освободить голову от второстепенных дел. Мысли надо привести в порядок, став как чистый лист, что не исписан ненужными словами.

Императрица взялась за перо и строчки красиво стали ложиться на бумагу.

Она вспомнила, как в шутку говорила придворным, что пишет слишком много, даже очень много, больше, чем все ныне живущие мудрецы.

Луч внимания Ирины раздвоился. Один из них следил за словами, что выходили из-под пера, а другой нырнул в прошлое в самое начало ее нелегкого пути. Тогда никому не известная девочка из захудалого дворянского рода приехала в эту страну. Ей предстояло стать женой императора, быть тенью, но она не смирилась с сим положением. Надо было стать частью страны и изучить ее традиции, повседневный уклад, историю. Как трудно давался язык, как тяжело выводились буквы, но Ирина мелкими шажками двигалась к цели и знала, что станет государыней. Конечно, она так не говорила вслух, даже мыслей не возникало, но теперь, когда письмо к фавориту было закончено, Ирина все поняла. Подспудно она шла именно к этой цели, боясь назвать ее, чтобы не спугнуть. Или, как говорили в этой стране, чтобы не сглазить.

...

Следующий день прошел в делах государственных, ну, а дела семейные... Ирина провозжала экипаж сына и невестки. На ступенях собралась свита. Старый канцлер перед самым отъездом открыл дверцу кареты и стал что-то говорить. Видимо, Бориславу.

– Что вы говорили цесаревичу? – спросила государыня, когда экипаж тронулся в путь.

– Я пожелал счастливого пути, ваше величество.

– Долго же вы желали счастливого пути. Не слишком ли много слов?

Канцлер промолчал в ответ.

Он действительно пожелал доброго пути, но еще попросил великого князя:

– Не о чем не беспокойтесь. И да, по прибытии обязательно сдружитесь с Францем.

– Откуда вы знаете, что в моем путешествии его страна стоит первым пунктом среди прочих визитов?

– Это мой маленький секрет, – улыбнулся канцлер, вспоминая письмо Антона, отца Франца. По прочтении царедворец сжег то письмо.

Маслянистые глаза канцлера блеснули желтым светом. Казалось, в глубине зрачков мелькнуло пламя. Пламя, в котором исчезло письмо короля Антона.

– Опять секреты? – устало выдохнул Борислав. – Безусловно, я люблю секреты, это моя слабость. Но только сейчас мне не нужно тайн.

– Думаю, Франц раскроет вам все тайны. Доброго пути, – произнес канцлер, выделив слово «все».

Обрюзглое лицо старого царедворца исчезло. Дверь кареты затворилась мягко. Экипаж отправился в путь.

– Франц? Старший сын Антона?

– Да, – ответил Борислав жене.

Они еще о чем-то поговорили, но диалог оказался вялым и вскоре прекратился сам собой. В молчании Борислав питал чувства ожиданием новых встреч. Он представил, как выглядит Франц. Наверно, высокий и худой, но, безусловно, с изящными манерами. Немного сух в общении, но учтив, как и его отец.

Борислава укачало под неспешный ход мыслей. Он уснул.

Очнулся же он от тихого звука, будто кто-то скреб ногтями. Мелькнула мысль, что, видимо, пьяный пытался схватиться за ручку с той стороны дверцы, но каждый раз терпел неудачу. Мысль позабавила, но в следующее мгновение веселье как рукой сняло. Борислав был в карете один. Жены рядом не оказалось. Цесаревич вжался в спинку и теперь с ужасом ожидал, что сделает с ним неизвестность. А неизвестность настойчиво скреблась в дверцу. Карета увеличилась в размерах. Борислав продрог от холода, хоть печь под сидением дышала жаром. Наконец все стихло. Цесаревич боязливо сосредоточил взгляд на маленьком окне. Но по ту сторону не было и намека на человеческий силуэт. Дверца распахнулась. Перед Бориславом предстал Франц именно таким, каким он себе его и представлял.

– Ваше императорское величество! – воскликнул Франц, снял треуголку и низко, чуть не до земли, поклонился.

Борислав, все еще напуганный, вперил взор в парик незваного гостя. Странно, оттаяли мысли, почему у Франца косица переплетена с белой лентой?

– Вы не рады моему приходу? – удивился Франц, подняв взгляд.

– Нет, что вы. Я рад. Я очень рад.

– Тогда позвольте. – Франц откинул складные ступеньки у порога кареты и протянул руку. – Мир приветствует Борислава Великого. Я же ваш ничтожнейший раб жду милости.

Борислав протянул руку в ответ. Он осторожно сошел по ступеням и замер в недоумении.

– Где мы, Франц? Вокруг ничего нет. Все белое. Что это за место?

– Как проницателен ваш ум. Вы сказали, что ничего нет, и это лучшее, что можно сказать об этом месте. Мы нигде, ваше императорское величество.

– Нигде?

– Да, – заговорщицки ответил Франц и жестом указал следовать за ним.

– Но все-таки, это должно где-то находиться, – спустя пару минут заметил Борислав.

– Карета, как вы изволили видеть, ваше императорское величество, исчезла. Она связывала вас с привычным миром. Но если вы хотите все же знать, где находитесь, то... – Франц, остановившись, многозначительно посмотрел на Борислава. – То это находится здесь. – И Франц приложил указательный палец к виску. – Это внутри вас.

Борислав захотел возразить. Неужели вот это белое безмолвие и есть он, только изнутри? Неужели это его ум: пустой и безблагодатный? Да, если обозначить сию пустыню, окружавшую их, одним словом, то это слово – безблагодатная. Но Борислав задал другой вопрос:

– Почему ты называешь меня императором? Я ведь цесаревич.

– Я увидел корону на вашей голове. Я видел ее мгновение. Это было предчувствие, а оно не обманывает. Вы станете императором.

– Как хотел бы я быть королем в вашей стране, а здесь, то есть там, в той варварской стране – никогда.

– Ваше императорское величество, не будем говорить о суетном и мелком. Я пойду впереди, а вы шагайте по моим следам, смотрите мне в спину и вспоминайте что-нибудь душе-спасительное.

И Борислав пошел следом за Францем. Франц шагал уверенно. Ему было знакомо это безликое место.

Борислав боялся потерять провожатого из вида. Он, вцепившись взглядом в узкую спину Франца, пожелал думать о душе-спасительном, но в голову ничего не приходило. Читать молитву? Странно и глупо. Здесь нет ни земли, ни неба. И куда устремлять поток церковной благодати, неизвестно. Возможно, вверх, а, возможно, вниз. Нужно вспомнить что-нибудь хорошее. Из детства, к примеру. А было ли оно? Франц сказал, что это нигде. Наверно, это и никогда. Сознание спуталось и утонуло в убаюкивающей какофонии мыслей.

Франц исчез. Борислав сглотнул испуганно. Он заметил спины идущих солдат. Да, это солдаты. Они, одетые в теплую одежду, несли через плечо странные короткие мушкеты. Рядом с солдатами ехали повозки без лошадей. Повозки грохотали металлически и урчали как голодные звери.

...

Взводу удалось войти в город без потерь по единственной не перекрытой врагом дороге. Дороге жизни, как ее назвали. Она стала тонкой нитью, связавшей город с миром. Но путь, по которому доставляли продукты, медикаменты и многое, что необходимо для выживания горожан, был опасен. Часто налеты вражеской авиацией уничтожали обозы. Гибли люди.

Правда, в этот раз морозный воздух звенел непривычной тишиной. Уже спустилась ночь, и колючее молчание звезд зависло над колонной. Она тянулась и тянулась сквозь белое безмолвие. Только рев грузовиков, лязг металла и редкие разговоры. А небо спокойно. Люди отвыкли от мирного неба.

Среди бойцов взвода был Леонид. Он, погрузившись в свои мысли, вспомнил, как его друг Данила однажды сказал, что беспокойство, вызванное тишиной, не беспочвенно. Это предчувствие, а оно куда важнее на войне холодного рассудка. «Не знаю, – сказал тогда Леонид, – возможно, ты заблуждаешься».

Сейчас Данила шел впереди. Леонид видел его фигуру в мешковатой телогрейке, и она показалась почему-то нереальной. Не сочеталась аристократичная внешность Даниила, с этой простой и грубой одеждой.

В тоже время в фигуре Даниила, ее движениях не было ничего героического. Солдат. Рядовой. Незаметный человек, каких миллионы. Но льдисто-серые глаза Даниила – вот то, что привлекало внимание. Взгляд легкий, теплый и в то же время печальный и холодный. «Под стать этому городу, застывшему в морозном воздухе, как муха в янтаре», – подумал Леонид и улыбнулся странному сравнению.

Случались свободные минуты, Леонид рассказывал другу о городе. Леонид не раз бывал здесь в мирное время, а теперь спешил поделиться воспоминаниями с Данилой. А Данила сосредоточено слушал и кивал, понимая с сожалением, что не увидит тех красот, ведь он никогда не был в городе до войны.

Сейчас большая часть строений обезлюдилась. Они, казалось, замерли и сжались в ожидании неизвестности. Что ждет их завтра? Переживут ли они еще один день, или налет вражеской авиацией разрушит их?

Леонид, вынырнув из минувшего, вновь увидел машины, солдат. Они шли молча, неся на плечах груз воспоминаний о прошедших днях войны, о жизнях, ушедших навсегда в прошлое. Леонид почувствовал тишину ночного города, его молчаливое сопротивление смерти и вдруг вспомнил, что Даниил как-то обмолвился:

– Ты знаешь, город окружен щупальцами монстра. Они высасывают из него все соки.

Леонид согласился, поняв, кого он назвал монстром. Врага, конечно. Он так и сказал Даниле в ответ.

– И да, и нет, – осторожно согласился Данила. – Это чудовище на самом деле прячется в городе. Просто его никто не видит.

Никакого монстра, конечно, не было. Хотя, если отдаться на волю фантазии, можно представить, что вот эти разрушения сделало мифическое чудовище. Оно изуродовало город, искромсав улицы, пошибав верхушки высотных зданий, выбив стекла и загнав людей в подвалы и уцелевшие строения.

Воспоминания оборвал до боли знакомый звук. Воздушная тревога. Сумрак взрезали снопы прожекторов. Где-то заухало и завыло, будто действительно среди зданий пряталось чудовище.

– Ложись!

Пронзительный звук. То вражеский самолет, разрезав воздух над солдатами, удалился и пошел на разворот. Есть время окопаться. Леонид зашевелился, когда опасность миновала, но вот, что случилось дальше, не помнил. Вроде, его оглушило, или...

Вспомнил, что воздух разорвался, будто ткань распороли ножом. Лево и право, верх и низ поменялись местами. Мир словно прекратил свое существование. Потух, как свеча от порыва ветра. В короткой тишине показалось, что он стоит на пороге смерти.

Но вдруг все пришло в движение. Мир ожил. Картина перед глазами четко обозначилась. Леонид увидел дверь. Он схватился за ручку и потянул ее на себя. Проход преграждали вражеские шестерни и диски. Их много. Они гудели и свистели. И вновь этот неприятный звук: то ли ткань разорвали, то ли воздух сотрясло от взрыва. Шестерни и диски исчезли. Перед ним заколыхались обрывки темной материи. Леонид машинально раздвинул их и уперся взглядом в пустые красные глаза зверя, похожего чем-то на осьминога. Его пасть с множеством зубов раскрылась, а челюсти выдвинулись вперед, уродуя и без того мерзкую морду. Он попытался схватить Леонида, затащить к себе, в свой мир, но щупальца беспомощно дернулись, челюсти клацнули, и зверь исчез.

...

Они грелись у костра, протягивая к огню ладони. Над потрескивающими дровами висел котелок. Вареву аппетитно бурлило.

– Что это было? – испугано спросил Борислав.

– Возможно, воспоминание, – неуверенно ответил Франц.

– Воспоминание? – медленно проговорил Борислав. – Но этого не может быть. Со мной такого не случалось. Эти странные солдаты, самоходные телеги, железная птица над городом. Да, город я узнал. Это столица той варварской страны, но...

– Ваше императорское величество, возможно, это чужое воспоминание. Возможно, это воспоминание о будущем, но я думаю, что все сложнее, чем нам видится.

Франц извлек откуда-то миски и деревянные ложки и разлил вареву. Борислав, согрел ладони о миску, попросил:

– Говори же, Франц, не молчи. Насколько все сложно?

– Представьте, ваше величество, что существует такой же город, но в ином мире, и там живут такие же люди.

– Ты намекаешь на рай или ад?

– Рая и ада нет. Есть... – Франц подул на ложку и проглотил жидкое вареву. – Есть мир-возможность. Но он не один. Их множество. Вы просто запомните это словосочетание, а поймете потом.

– Мир-возможность, – проговорил Борислав и начал есть.

Нет, варево не было куриным бульоном, как почудилось цесаревичу Бориславу вначале, оно было пониманием, ибо с каждой ложкой разум прояснялся, и мир-возможность уже не казался только странным словосочетанием.

Например, если бы предок Борислав – император, основавший столицу – вдруг не решился бы строить ее, то до сих пор на месте города находились болота, а это означает, что во вселенной существует множество возможностей и существует множество миров, среди которых есть один, где болота остались.

2

Борислава мало волновал сон, и теперь, проснувшись, он тасовал его образы и мысленно улыбался, играя ими.

Находясь во власти сновидения, он всегда принимал правила этого потустороннего мира. Словно воля покидала Борислава, и оставалось лишь идти на поводу у неведомой силы. Наяву же цесаревич представлял сновидение в виде красочной шпалеры, а острый ум разрезал ткань на множество частей. Борислав сопоставлял куски – занимался аппликацией.

Меж тем экипаж подъехал к родовому замку короля Антона.

Слуга в ливрее медленно и со значением открыл дверцу кареты, разложил ступеньки.

Гости проследовали по узкой ковровой дорожке, в конце которой их ожидал король.

– Приветствую принца из далекой страны и его супругу, – сказал он и поклонился. – Это честь для меня. Прошу...

Цесаревич и его супруга отдали дань этикету, произнеся подходящие фразы.

Антон указал на парадный вход.

– Скучали ли вы в дороге, великий князь?

– О, вовсе нет. Скучать не приходилось, – ответил Борислав, следуя за Антоном. – Мы ехали по дорогам вашего королевства и молча наслаждались его красотами. Есть в нем то, чего не встретишь в моей стране.

– Как здоровье великой княгини?

– Благодарю за участие, ваше величество, – ответила княгиня. – На все воля божья.

Супруга Антона встретила гостей дома. Борислав с женой получили приглашение к ужину.

Именно в столовой Борислав, увидев наконец Франца, понял, что не стоило пренебрегать сном. Франц был в парике. Косица парика переплетена с белой лентой. Как и в сновидении.

Цесаревич заморожено и испугано скосил взгляд на Франца, желая разувериться. Может, померещилось? Но нет, лента была белой. Франц, заметив взгляд Борислава, неопределенно улыбнулся, пытаясь прочесть то, что таилось во внимательных глазах гостя.

– Простите, – заговорил Борислав. – Заранее приношу извинения за бестактный вопрос, но косица вашего парика с белой лентой. Почему?

– Да не обращайтесь на такие мелочи внимания, – опередил Франца старый король. – Все это баловство юности. Будет время, сын все вам объяснит, а теперь церемонии – в сторону, и прошу всех к столу. Ведь вы здесь не с официальным визитом? Верно? Так будем же проще.

И король заговорил о том, что он старый солдат. Солдат простой и прямой в общении. Ему непонятны нынешние увлечения молодежи загадками, всей этой мистикой, он на дух не переносит всю вычурность светского этикета и прочее и прочее. «И все это мишура, а вот настоящая жизнь – там», – закончил Антон, указав взглядом на дверь. Гости не совсем поняли, что он подразумевал, но тактично промолчали. Затем он рассказал о нелегком положении своей маленькой страны, что все пытаются обидеть ее, и со значением посмотрел на Борислава.

– Я бы никогда не обидел вашу страну, – ответил цесаревич смущенно.

– О, простите. Я не хотел никого уязвить из присутствующих. Но мне приятно слышать из ваших уст подобные заверения. – Лицо короля озарилось идеей. – Послушайте, поклянитесь в вечной дружбе моему сыну. Когда он станет королем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.